Свидетельство о себе. Брат Пётр Петрович Изаак

Братья так сказали, что поделится надо мне сегодня тем, каким был мой путь перед Господом. Я прочитаю один из любимых текстов Священного Писания, из Псалма 83. Читаю с шестого стиха:

> 6 Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе.
> 7 Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает её благословением;
> 8 приходят от силы в силу, являются пред Богом на Сионе.
> Псалом 83 — Псалтирь — Библия: https://bible.by/syn/19/83/

Это псалом сынов Кореевых. Он начинается с того, что действительно хорошо быть в присутствии Божьем. Для моего возраста это уже должно быть очень ясно, осознанно, понятно, что не только в разуме, но и в практическом наполнении - жизнь перед лицом Божьим, жизнь с Ним, жизнь в Нём, жизнь, которую Он даёт или которую Он наполняет Собой — это действительно лучшее, что в жизни мы можем здесь, на этой земле, иметь.

Я коротко расскажу вам свой жизненный путь. Если у вас будут вопросы, вы можете их задать, постараюсь ответить.

Я родился в 1955 году, я был старшим в семье. Семья наша была достаточно бедной. Отец мой с юности своей остался без отца практически с четырёх лет. В своё время он состоял в церковном совете нашей общины, которая в то время насчитывала около 600 членов. И с детства все мы были научены вере, научены читать Слово Божие, молиться и возлагать надежду на Бога. Хотя

период детства моего был сопряжён с целым рядом кризисов, которые проходили по причине переживаний, выпавших тогда на долю Баптистского братства в нашей стране, и через наш дом они прошли довольно серьёзно. Так, мне во всяком случае, это видится. Когда в 1961 году началось движение Оргкомитета по созыву чрезвычайного съезда, у нас в семье среди родителей мнения разделились. Мать была за то, чтобы быть в братстве, которое сегодня сохранилось, наше братство. Отец не хотел. Это разделение, как он говорил, трудно понимал или совсем не понимал. И это были тяжёлые годы. Мне тогда было 6 лет. Я помню, нас часто посещали братья, сёстры, старые семейные друзья. И по родителям я видел, что эти разговоры были очень непростыми. С детства родители водили меня и моего брата, второго после меня, в собрания, которые проходили в небольшой группе. Эта группа не была зарегистрирована, но они относили себя к ВСЕХБ и ходатайствовали о регистрации. Так было некоторое время. Примерно в возрасте 12-13 лет, утром, собрали нас родители и отправили на собрание, а сами остались дома. Конечно, нам это было непонятно, но мы пришли в молитвенный дом, это был частный дом, где собрания проходили, они проходили всегда на одном месте. Мы пришли, заняли свои места, больше в собрание детей не водил никто. Через несколько минут к нам подошёл пресвитер и попросил, чтобы мы отправились домой. Он не пояснял ничего, и мы вернулись домой. И как-то это нас и не разочаровывало. В то время мысли уже были к тому, чтобы быть не близко к Церкви, не было расположения ходить с родителями. По-моему, ещё на одно собрание отец нас взял, обоих, и там дошло дело до конфликта. Некоторые старые сёстры очень сильно ругали пресвитера за то, что он не позволил нам ходить в собрание. Я не понял всей сути, но после этого, короткое время мы оставались дома, и уже влекла нас улица. Но отец однажды собрал нас, это было несколько таких вечеров, и очень сердечно пытался с нами говорить о том, чтобы мы стали посещать собрания. Они тогда проходили недалеко от нашего дома, метров 200, в семье друга его юности, который был служителем в этой общине. И он рассказывал нам: "Вам сейчас не хочется быть в собрании, но я думаю, что скоро вы будете с нетерпением ждать следующего воскресенья. Я помню свою юность, так было у меня, и я верю, что у вас тоже будет так". С трудом, но мы как-то согласились. Пришли мы с ним в собрание, он посадил нас рядом. Я помню, что в то собрание не пошевелил ни рукой, ни ногой, у меня всё тело затекло, я очень сильно волновался. А на следующее собрание он отправил нас одних. И так постепенно мы стали ходить в собрание, а потом стали посещать детские собрания, я имею в виду себя и брата. Хорошо помню тот возраст, когда мне было лет 14 с половиной, когда я стал почти в каждом собрании слышать очень сильный внутренний голос, призывающий меня к покаянию. Волнение было очень сильным, мне иногда казалось, что свинцом налиты ноги, понимал, что Господь зовёт, а я все никак не мог. Я измучился уже. Однажды, после собрания, я пришёл домой. Видимо, родители видели, что я был в очень сильных переживаниях. И вечером дома я заявил о своём желании служить Господу в присутствии родителей, братьев своих, сестёр. А потом, позже, я сказал об этом и в собрании. Это было моё обращение к Господу, за две недели до 16-летия. Как-то мне было на душе сразу не очень легко. Я не мог никак понять, что вроде покаялся, а какой-то внутренней перемены в чувствах, которые искал, не ощутил. И я молился. У нас дом был маленький, я прятался. Может быть, не очень это так рассказать приятно, но если говорить уже абсолютную правду, я заходил в спальню родителей, у нас везде и всё было слышно, я забирался под кровать и молился в сильном волнении, молился Богу, чтобы Господь разрешил мою внутреннюю проблему. В день моего рождения отец собрал семью и прочитал текст из

послания Ефесяном из второй главы. Эти стихи, наверное, мы все знаем:
8 Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар:

> 9 не от дел, чтобы никто не хвалился.
> 10 Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять.
> Послание к Ефесянам 2 глава — Библия: https://bible.by/syn/56/2/#9

И в этот момент меня озарило. Я понял, что прощение — это дар от Бога и здесь нет ничего моего, а моё дело на этот Божий дар положиться. Отец подарил мне в тот вечер Библию, и это была как бы иллюстрация и для меня совершенно неожиданно, я понял, что Бог дарит мне спасение точно так же, как отец даёт мне Библию в этот вечер. Мы уже ходили несколько лет в собрание отделённых. Отец не ходил, он позже стал и мать не ходила. Я потом расскажу, они позже намного пришли. Только дети ходили.
Я изъявил желание заявить на крещение зимой, в 1974 году. Ждал лето, думал принять крещение, но меня в мае забрали в армию, и крещение принять я не успел в 1974 году. Я помню, как молился тогда в собрании: «Господи, помоги мне сохранить это желание, чтобы, придя домой, я мог быть в Церкви».
Армия была периодом моего духовного становления, без преувеличений это можно сказать. Она была для меня трудной службой. Целый год меня очень сильно прессовал 9-й армейский особый отдел. Замполиты и другие офицеры, которых была целая череда, практически с первых недель службы мне вообще покоя не давали. Допрос за допросом, угроза за угрозами: политотдел, уголовное дело. Но это было из-за того, что я отказался принимать присягу. И самым тяжёлым переживанием для меня в тот момент было стремление понять (всю серьёзность ситуации). Как мне очень доходчиво объяснили, что пять лет я получу. Я впервые был оторван от дома, мне было страшно. Пять лет тюрьмы! И я понимал, что я должен был дать себе ответ - ради чего я на это иду? Ради того, чтобы быть хорошим в глазах людей, общины? Или это ради Господа? В таких тяжёлых переживаниях у меня прошёл год. Переживания были переменными потом улеглось всё внутри, и я принял решение просто пройти до конца, чего бы это ни стоило. И дело подвели к тому, что утром на разводе приедет воронок и заберут меня. Конечно, я очень сильно волновался, ждал, но воронок не приехал. Замполит подошёл: "Иди на работу, машины нет, завтра заберут тебя". Я пошёл на работу. На следующее утро воронок опять не приехал. На третье утро, когда он не приехал опять, я понял, что это разыгранный спектакль, который очень долго и искусно разыгрывали. Через время меня ещё раз вызвали в политотдел, в сопровождение офицера отвезли. Посадили в комнату какую-то бетонную. Я там сидел долго, а потом несколько вопросов мне один из офицеров этого особого отдела задал. В общем-то это были такие вопросы, я их даже не мог понять. Там был один из вопросов: "Кто такие Совет Церквей?" Задали вопрос в отношении моих родственников, с которыми я тогда был разорван, они уезжали в Германию из Алма-Аты. И потом меня направили к дежурному отметить повестку.
Дежурный говорит:
- Присягу принял?
- Нет.
- И что, тебя майор не уговорил?
- А он, по-моему, и не пытался сильно уговаривать.

- Молодец! Иди, служи дальше. Как тебе дать повестку? Сегодня в часть пойдёшь или, может быть, завтра тебе надо?
Мне до части было далеко, очень далеко, несколько десятков километров, я вдруг моментально вспомнил, что там посреди этого пути находилась часть, где служил мой друг. Мы были соседями, были ровесники, между нами был ровно месяц разница в возрасте. И я поехал к нему в часть. Я переночевал там, мы очень хорошо пообщались. И с того времени этот страх прошёл. Пресс перестал давить и наступило другое время. Я прошу, чтобы, братья, вы меня правильно поняли с того времени Библию я не мог иметь, Евангелия тоже нет. Несколько раз мне присылали, но забирали. Я много помнил из проповедей, я читал с детства Библию. И вот в этот период времени Господь стал мне открываться всё больше, и больше. Я во внутреннем духовном общении, когда находилось свободное время, понимал, что Бог призывал меня, в том числе и к труду.
Однажды, ну я прямо так скажу вам, как это было, я лежал на скамейке в столовой. Столовая была заперта. Я не уснул, кажется, мне, хотя я ничего не могу сказать. Может быть и уснул. Я проснулся от такого волнения, мне просто как будто внутреннее и очень ясно пришла в сознание мысль: "Скоро вернёшься домой, там молодёжь... Будешь руководителем молодёжи". Я подскочил: "Как?! Откуда такое может тщеславие появиться?" Я об этом никогда не думал, ни до, ни после.
Я приехал домой, получилось так, что всех ответственных отпустили в Германию. У меня не сложились хорошие отношения с пресвитером. Это было частью и из-за плохих отношений его с моими родителями, особенно с отцом. Когда я однажды в беседе с ним, спустя короткое время после крещения, сказал, что так нельзя воспитывать молодёжь, что вы просто их муштруете, не заботясь о том, чтобы у них сознательно вера возрастала. Я это, конечно, более подробно мог бы рассказать, но он говорит мне, что совершил очень большую ошибку, что допустил до крещения, и что я вообще не возрождённый. Мне было от этого крайне тяжело. Я ушёл в себя, молился, чтобы Господь открыл мне, что же на самом деле, как такое вообще могло получиться, хотя внутренне я никогда не сомневался, потому что у меня общение с Господом было. Это было для меня очень реально. Прошло полгода, он подошёл ко мне и говорит: «Пётр, я ошибся. Прости, я не то сказал в отношении тебя, и если я тебя не воспринимал вначале, то сейчас полная противоположность. Мне очень приятно, хорошо с тобой...» И так совершенно неожиданно он предложил мне заниматься с молодёжью. До этого я три раза был у него дома, просил, чтобы он разрешил мне участвовать в проповедях, он не разрешил. Просил, чтобы он позволил мне заниматься с детьми, тоже не разрешил. Но потом сказал, что у меня жена занимается, я к тому времени женился в сентябре (а в мае вернулся из армии), вот и должен ходить с женой и ей помогать. И это был конец 1976 года, декабрь. Он предложил мне работать с молодёжью. В январе, сразу после Нового года, вопрос через братское провели. И с той поры я 7 лет занимался с молодёжью. Молодёжи у нас было много в то время. К концу того времени, когда я был руководителем, это был 1982-й год, у нас было более 90 членов молодёжи. А в 1979 году меня вызвали в Горисполком, прямо с работы сняли, с завода, от станка и в Горисполком. Я ничего не понимал, а когда туда пришёл, то узнал, что в городе образована комиссия по соблюдению законодательства о религиозных культах. И разговор был очень недолгий. Председатель этой комиссии, а он был зампредседателя Горисполкома, сказал так: "Мы на вас долго смотрели сквозь пальцы, терпели, но этому времени пришёл конец. На нас давят сверху, да, и сами мы

понимаем, что так долго продолжаться не может. Вам осталось существовать максимум полгода, а если вы за это время не зарегистрируетесь, ваша община будет ликвидирована. Мы тебя вызвали, потому что ты один из трёх человек, которые определяют линию этой общины."
И всё. И я пошёл на завод. Каких-то особых переживаний не было, но они стали после этого каждое собрание наше посещать. Штрафовать стали, пытались разгонять самыми разными путями. Потом приехал уполномоченный из Барнаула. Ещё раз вызвали в горисполком меня. Он сильно ударил кулаком по столу и так сказал: «Согнёшься в лагере! Ходите - грудь колесом, зазнались!». Понятно, что это было с переживаниями связано. И тяжёлый вопрос стоял тогда для меня: "Почему не регистрироваться?" Старшие, которые эти ответы знали, их не было. Мы в один из вечеров, после собрания, когда был особенный нажим, поехали в Кулунду, искали Давида Андреевича Пивнёва, думали спросить его. Но его не было. Мы поехали в Павлодар, думали Павлодарских братьев спросить, их тоже не было на месте, и мы вернулись утром, быстро переоделись, пошли на завод, на работу. В нашей большой общине больше трёхсот человек, начали замечаться вот такие расслоения. Кто-то говорил: "Почему бы не зарегистрироваться? Что здесь такого?" Конечно, требовалась ясность.
Однажды на завод во вторую смену зампредседателя Горисполкома принёс толстую книгу, в которой были изложены законы и комментарии. Я прочитал их, и понял тогда почему мы не регистрируемся, в общем-то власти сами мне и помогли. И мне очень много тогда приходилось в те годи и ночами не спать, потому что свои общения объяснять приходилось. У нас в округе было много общин. Тогда в деревнях было очень много общин, числом членов Церкви 100, 150, 200 и немножко меньше были общины, то есть их было много. Такими были эти годы.
Шестого декабря 1983 года (06.12.1983) меня рукоположили на пресвитерское служение. Этот внутренний призыв я давно уже слышал и понимал, когда я однажды поделился об этом со своим другом, он просто меня высмеял. Он в то время хотел ехать в Германию, меня убеждал, что надо ехать. Какая тут церковь? Какое (может быть) служение? Но я так ответил, и потом приехали родственники из Германии в гости. Они очень сильное давление оказывали на меня, потому что родители готовы были ехать. Я сказал «нет», и когда меня все-таки они спросили: «Почему ты не согласен?» я сказал, что у меня такое внутреннее побуждение, но и они посмеялись и сказали, что это несерьёзно. Так случилось, что в один из вечеров я пришёл домой, и братья пришли ко мне и говорят, срочно поезжай в дом дьякона туда приехал Корней Корнеевич Крекер, есть к тебе вопросы. Я поехал туда, Корней Корнеевич тогда был ответственным за Сибирь. Он задал мне вопрос и говорит, что братья в Церкви находят, что ты тот человек, который мог бы принять служение в Церкви. А ситуация в Церкви была очень кризисная, потому что те пресвитера, которые были, уехали в Германию, а состав, который остался, был откровенно слабым. Дело дошло до того, что большая по количеству членов Церковь вмещалась в одну маленькую комнату в собраниях. На братские общения приходили проповедники всего 2-3 человека, на общебратские – 10 человек. И он мне задал вопрос:
- Как ты сам можешь сказать, ты чувствуешь, что Господь зовёт тебя на это?
Я ответил ему так:
- Корней Корнеевич, вы старый человек, я молодой, чувства это у меня есть и очень определённо. Но у меня сейчас тяжёлый период, кризис, под давлением родственников я согласился подать один раз документы на выезд.
Он говорит:

- Я всё понял, но придёт ответ и может быть это будет отказ. Мы к этому вопросу можем вернуться?
- Конечно можем.
И пришёл отказ через полгода, вопрос моего рукоположения рассматривался в течение двух лет в общине. В 1983-м году, ещё в середине года, приехали братья: Николай Абрамович Крекер и брат Кривко для рукоположения.
Наверное, расскажу братья только для того, чтобы вы могли понять те, кто помоложе, что водительство Божие может быть очень явным.
Утром ко мне заехал наш брат, благовестник, и говорит:
- Сегодня приехали братья, и вечером будет рукоположение, рассчитывай на это.
А я ехал на завод со своим соседом, другом. Я ему сказал об этом, и он говорит:
- О, как хорошо.
Но я говорю:
- Не будет рукоположения сегодня.
- Как не будет?
- У меня просто внутреннее чувство такое, не будет его.
Я отработал смену, вернулся домой, зашёл, меня жена в веранде встречает, так подошла ко мне, обняла меня и заплакала. Я говорю:
- Что такое?
- Знаешь, на собрании сегодня должно быть рукоположение?
- Знаю.
- Но у мне такое чувство, что его не будет.
- У меня точно такое же чувство, но на собрание мы всё равно же пойдём.
Мы пошли на собрание, нас тут же окружила милиция. И они сразу до последних комнат начали прочёсывать весь дом. А братьев не было, они тогда были на нелегальном положении. После мне сказали, что они утром, когда поднялись, говорят: "Что-то на душе неспокойно. Мы не пойдём в собрание. Вы там соберётесь, если уже спокойно будет, тогда и мы подойдём".
Я об этом узнал вечером, уже ночью. Милиция оцепления не снимала долго ещё. А они были в соседнем доме, удалось их вывести. Я тогда получил такой хороший урок. Я должен был вывести их из дома, и мне надо было метров 250, а я хорошо знаю расположение, провести их до места, где они должны были сесть в автомобиль. Кривко очень сильно волновался и говорил: "Долго идём, долго идём". А Николай Абрамович шёл спокойно, абсолютно спокойно. Когда время свободы пришло, как-то спрашиваю Николая Абрамовича, почему так свободно могли идти? Он говорит: "Знаешь, был у меня такой момент в жизни. Я работал штукатуром, был перерыв. Я сел перекусить прямо там, на лесах. Время было какое? Дома всегда был готов узелок, могли посадить. Я был готов в любой день. И когда я так внутренне молился, на тех лесах, Господь вдруг мне так ясно открыл текст Писания, написано - «Я твой щит». Я понял, что это не просто напоминание из Писания, это голос ко мне обращён. Я купил тогда картину, написал этот стих, повесил над кроватью и с той поры я был спокоен".
Конечно, я считаю, что мистика часто вредна, но хочу сказать - Бог может говорить с нами. И может открывать нам Свою волю, и может звать нас так, чтобы мы понимали это. Он может нас утешать, ободрять. И всё это в обильной мере было.
Женился я в сентябре 1976 года. Рукоположили меня в декабре 1983 года. Да, я сказал, что тогда

рукоположение не состоялось. И на заводе нас работала большая группа братьев. Я перескочил, братья, простите. И они подходят ко мне на следующий день на работе и говорят:
- Как ты мог знать?
- Ну, как? Ну, просто внутреннее какое-то такое очень ясное чувство было. Что я могу больше сказать вам?
- Ну, а когда теперь будет рукоположение?
- Я же не знаю, братья все на нелегальном. Но я думаю, что всё равно я буду знать.
- Ты нам скажешь заранее?
- Скажу, если смогу.
Полгода прошло, я помню эту ночную смену. Я подошёл к другу, он работал фрезеровщиком, и говорю:
- Теперь можно.
- Посмотрим.
Прошла пара дней, братья приехали неожиданно. Николай Абрамович был и совершилось рукоположение.
Совсем недавно я узнал, и это, может быть, вам уроком будет. Мне сын Давида Андреевича сказал, он был на рукоположении вместе с Николаем Абрамовичем. Мне было немножко непонятно тогда, а у нас пресвитера не было, отчего меня рукоположили, и братья быстро уехали. Ничего не сказали. Недавно мне сын его рассказал:
- Пётр! Может быть ты знаешь, может быть нет? Отец мне недавно об этом рассказывал: "Мы рукоположили Петра Изаака и специально ничего не сказали. Посмотрим сколько смирения у братьев", - ответственность тогда была на Иване Аароновиче, он был благовестник и по возрасту старше меня, - И только, как мы стали слышать о Церкви, всё больше и больше о церковной жизни, то упоминали твоё имя. И мы поняли, что есть авторитет у тебя в Церкви, Церковь прислушивается".
И скажу ещё слова Бориса Яковлевича Шмидт. Он однажды мне так сказал: "Работать вместе – это великая благодать. Пётр, мы наблюдали за вами специально. Скажу тебе мы действительно видели, что с Иваном Аароновичем у вас никогда конфликтов не было". Он был старше меня, но он и сейчас ещё жив, хотя уже очень слаб.
В январе 1995 года меня ввели в сотрудники Совета Церквей так это до сегодняшнего дня и остаётся.
Немного расскажу о браке. 26 сентября 1976 года (26.09.1976) я женился. В семейной жизни у меня что было? Очень характерной чертой было то, что у меня очень много лет жена болела, практически всю жизнь. Отдельные периоды были очень тяжёлыми, когда она, бывало, годами в постели лежала. И это было временем тяжёлых переживаний. У меня был период, когда два года не было ни одного дня, чтобы кто-то из членов семьи не лежал в больнице. Я каждый день с работы шёл в больницу. И мне иногда казалось, что как бы будущего нет. Всё кругом темно. А после я понял, что это были очень драгоценные уроки. Я понял, что боль способствует только тому, что мы можем быть ближе к Господу. Может быть, в этот период я научился как-то больше понимать людей переживающих, переносящих страдания.
Когда родился второй сын наш, ему было ровно два месяца, это было на Новый год, меня вдруг с молодёжного собрания срочно позвали домой, я приехал. Жена плачет, говорит, что вызвали скорую, скорая забирает нас, сказали, что дежурит детский врач, сейчас посмотрим ребёнка и

привезём домой. Его привезли в больницу, он уже не дышал. И 10 дней он находился так, между жизнью и смертью. В последнюю пятницу, перед решающим таким моментом, мы были в посте. Я пришёл в больницу после работы, уже физически настолько ослабленный, что сознание стал терять. Быстро супруга пронесла мне воды, и говорит:

- Я, наверное, понимаю почему и всё так случилось. Я очень не хотела этого ребёнка, и это вина моя...

Мы помолились, как Бог даст. Я попросил, чтобы врачи разрешили мне дежурить у ребёнка, потому что супруга много суток не спала. Врачи не разрешили, но в понедельник, когда я пришёл в больницу, был консилиум и врачи сказали, что ребёнок как бы здоров. Ещё несколько дней он полежал, хотя в понедельник хотели брать пункцию, тогда это ещё не умели делать. Жена не дала согласия, говорит: "Пусть он умрёт". Но он не умер.

Потом один ребёнок у нас в два с половиной года умер, он отравился таблетками. Конечно, непростое переживание было. Но я повторяю, опять эта боль всегда служила тому, чтобы приблизиться к Богу, увидеть свои ошибки, грехи. С тем, чтобы в покаянии прийти и быть ближе к Господу.

Вообще у нас было 12 детей, живых осталось теперь 11, все дети члены Церкви. Прошедшим летом у нас был 10-й брак, женился сын, с нами ещё живёт одна дочь, ей 22 года будет, через несколько месяцев. Все дети в Церкви и имеют какое-то поручение.

Семья дружная, мы очень хорошо друг друга понимаем, любим. Я однажды вернулся домой с поездки, приятные воспоминания, картины. Я вернулся ночью, смотрю жена сидит на диване с телефоном, я говорю:

- Что случилось?

- У дочери серьёзно заболел ребёнок.

- Что теперь?

- Вот, детей собрала. Сейчас один придёт, привезёт жену, чтобы побыла вместе с другими детьми. Другой отвезёт её с ребёнком в больницу.

Три семьи, в течение нескольких минут, она подняла ночью, и так быстро они всё сделали.

Я, конечно, братья, не могу вам всего рассказать. Когда-то это, может быть, станет известным. Это даже дети не знают, наши. Иногда это делается через меня, когда помощь какой-то семье идёт от другой семьи. Иногда очень существенная. Но я повторяю, дети этого не знают. Я думаю, на этом можно закончить.

10.12.2015 год

НЕКРОЛОГ

10 Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною.
1-е послание Коринфянам 15 глава — Библия: https://bible.by/syn/53/15/

Изаак Пётр Петрович родился **22 декабря 1955 года** в городе Славгороде Алтайского края. Он был старшим сыном в многодетной семье Изаак Петра Петровича и Анны Петровны, простых, трудолюбивых и богобоязненных людей, переживших тяжёлые годы репрессий, трудармии и войны.

Становление Петра происходило в нелёгкое время воинствующего атеизма. Семья его родителей не имела материального достатка, но, несмотря на бедность быта, их главным богатством и достоянием была христианская вера. Благодаря ей, мальчик с детства слышал и знал Священное Писание, которое осветило небесным светом его душу, подарило познание Христа и Его спасающей благодати. По свидетельству Петра Петровича, он уже в юном возрасте глубоко осознал себя грешником и пришёл к покаянию.

Большое влияние на юного Петра оказал пресвитер Церкви Жиров Андрей Исаакович, оставивший добрый, глубокий след в его сердце. Годы учёбы в средней общеобразовательной школе прошли быстро. Несмотря на то, что учителя старались оказать на Петра сильное атеистическое влияние, несмотря на неприятие и унижения с их стороны, юноша сохранил веру и закончил школу на отлично.

После окончания школы, в 1974 году, Петра призвали на воинскую службу в армию. Как и многие христиане, он претерпел насмешки, оскорбления, угрозы ареста за веру в Бога и отказ принимать присягу.

Весной 1976 году Пётр вернулся в родную славгородскую общину, а летом принял святое водное крещение, осознано и добровольно влившись в церковь, вместе с гонимым братством избравшую путь независимости и отделения от мира ценой тяжёлых страданий. Пётр пошёл этим путём, призывал к нему других и сам готов был пострадать за веру, истину и церковь.

26 сентября 1976 года брат вступил в брак с сестрой по вере Браун Еленой Генриховной. Господь провёл их через трудности, тяжёлые болезни, подарил им большую семью - пятерых сыновей (один из них умер в возрасте двух лет) и семь дочерей. Все дети верующие. В настоящее время каждый из них имеет свои семьи, детей. У Петра Петровича и Елены Генриховны уже было 50 внуков.

По данной от Бога благодати все дети Божьи имеют различные дарования.

Господь наделил брата любовью и верой в Бога, подарил глубокую проницательность и бескомпромиссность. Эти дарования не остались без внимания служителей церкви. В 1977 году брату Петру поручили служение руководителя молодёжи, которое он ответственно и доброхотно совершал до 1983 года. Молодёжь любила своего руководителя.

В декабре 1983 года Пётр Петрович был избран и рукоположен на пресвитерское служение в

поместной славгородской церкви. Брат, совершавший рукоположение, сказал ему тогда: «Пётр! Сегодняшний день - день твоего бракосочетания с церковью!». Пётр Петрович часто вспоминал эти слова, объясняя свою посвященность и преданность служению. С первых дней и до самого конца, его служение было наполнено большим напряжением, болью и переживаниями.

Начало 80-х - время, когда узникам за дело Христово, не давая выйти на свободу, присуждали повторные сроки. Тогда Петру Петровичу по ложным свидетельствам было сфабриковано уголовное дело, и над ним нависла угроза ареста.

В конце 80-х годов, когда пришла перестройка, открылись границы, и появилась возможность эмигрировать из атеистической страны, страны гонений и преследования верующих, брат предпочёл остаться и продолжать служение в своей родной церкви.

С 1991 года по предложению служителей братства Пётр Петрович начал преподавать историю христианства на библейских курсах. На протяжении долгих лет он был активным членом Сибирского Совета и сотрудником МСЦ, принимал активное участие в работе германского благотворительного комитета Аквила. Брат участвовал в их рабочих и исторических конференциях.

В 1991 году, по его инициативе и дальнейшем активнейшем участии, Церковь начала строительство большого Дома молитвы. Несмотря на опустошающую эмиграцию, непонимание целесообразности затеянного со стороны ряда братьев и сестёр, тяжёлое финансовое положение, острый дефицит строительных материалов, **30 августа 1992 года** прошло освящение Дома молитвы.

Пётр Петрович наставлял Церковь посвящать себя, и всё своё, на служение Богу и единоверцам, и потому новый дом стал местом проведения различных крупных общений, библейских курсов, курсов МХО и т.д.

Однако особый след в сердцах детей Божьих он оставил как чуткий, проницательный, по-отцовски сострадающий душепопечитель. Скорби, пережитые братом, сделали его сердце способным понимать страждущих. Последние годы жизни Петра Петровича протекали в крайне изнурительном жертвенном служении на этом поприще. Бесчисленные звонки с разных уголков земного шара, просьбы о помощи изнемогающих, нуждающихся в душепопечении братьев и сестёр не оставались без ответа со стороны служителя. Его открытость и искренность делали его уязвимым, чем нередко пользовались недруги. Бессонные ночи в молитве, постоянное напряжение стали его уделом, доводя до полного физического изнеможения. Однако благодатью Божьей он имел доброе отцовское сердце, сохранял ясное духовное ведение и силу.

В начале сентября 2021 года стало известно, что наш брат и служитель заболел пневмонией вследствие короновирусной инфекции. Болезнь прогрессировала и на 90% поразила лёгкие. Лечение Пётр Петрович проходил в московском госпитале. Многие друзья, братья и сестры, церкви, усиленно молились о его выздоровлении, но Господь определил иначе и 16 сентября отозвал благословенного служителя в Свои обители.

Оглядываясь назад, на жизнь нашего дорогого и близкого сердцу мужа, отца и служителя Петра Петровича, хочется в благоговении смиренно склонить в молитве наши головы перед Великим

Владыкой Господом и поблагодарить Его за Церковь, которую Он создал на земле, за все, что Он совершил в ней через жизнь и служение брата.

> 7 Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.
> Послание к Евреям 13 глава — Библия: https://bible.by/syn/65/13/

---

https://youtu.be/VE1zDHQ8GL0 - Прощальное богослужение, 21 сентября 2021 г., город Славгород.

***

Фотография: Славгородская община ЕХБ, 2019 год

Служители и труженики Евангелия на похоронах П.П. Изаак. Город Славгород 21.09.2021 год.

Елена Генриховна Изаак у могилы мужа. Они прожили вместе 45 благословенных лет. Господь подарил им 12 детей (одного Он взял к Себе) и 50 внуков.

Комментарии
